

УДК 328.1, 329.1

германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов

© 2023 **БЕЛОВ Владислав Борисович**

Кандидат экономических наук

Заместитель директора по научной работе Института Европы РАН,

руководитель Отдела страновых исследований

и Центра германских исследований ИЕ РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: *belov@instituteofeurope.ru*

Поступила в редакцию 03.10.2023

После доработки 18.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В июле 2023 г. Германия приняла давно обещанную стратегию по отношению к Китаю – её важнейшего (наряду с США) неевропейского партнёра. Одно из основных мест в документе уделено хозяйственно-политической сфере – внешней торговле и прямым инвестициям. Правящая коалиция, в первую очередь в лице представителей партии «Союз 90 / Зелёные», поставила задачу снизить зависимость немецкого экономического штандорта¹ от китайской экономики, что совпадает и со стратегическим целеполаганием руководства ЕС. В ослаблении кооперации ФРГ и ЕС с КНР также заинтересована администрация Соединённых Штатов. Однако такой подход политиков противоречит рыночным интересам германского бизнеса, по-прежнему ориентированного на комплексное взаимодействие с компаниями Китая. Автор проанализировал актуальное состояние немецко-китайской экономической кооперации в сферах внешней торговли и прямых инвестиций, а также оценил перспективы её развития в условиях актуальных геополитических вызовов.

¹ Под экономическим штандортом (Wirtschaftsstandort) в немецкой экономгеографической науке понимается целенаправленно сформированное хозяйственно-политическое пространство, обладающее набором конкурентных преимуществ, позволяющих привлекать и удерживать основные производственные факторы.

Ключевые слова. Германия, ФРГ, Китай, КНР, США, Европейский союз, ЕС, стратегия, внешняя торговля, иностранные прямые инвестиции

DOI: 10.31857/S0201708323070094

EDN: rzadwi

Пришедшее к власти в конце 2021 г. правительство в составе представителей партий социал-демократов, зелёных и либералов в коалиционном договоре согласовало триединый подход к своему основному партнёру в рамках Глобального Юга – Китаю. В соответствии со стратегией, определённой Европейским союзом в 2019 г., на первое место был поставлен партнёр, на второе – экономический конкурент и на третье – системно-ценностный соперник. Соответственно, по этим векторам сложилось содержательное партийное трёхцветие – красно-жёлто-зелёное: представители СДПГ в основном определили направления внешнеполитического взаимодействия, СвДП – экономического, а «Союза 90 / Зелёные» сформулировали ценностный подход к китайской демократии. Одновременно участники коалиции договорились о подготовке к концу 2022 г. стратегии будущих отношений с КНР.

Однако процесс наполнения одного из определяющих для внешней политики ФРГ документов конкретным содержанием затянулся. С одной стороны, это было обусловлено необходимостью разработки другой стратегии – по комплексной безопасности, в которой Китаю отводилось важное место. С другой – конкретные детали вызвали сложности, связанные с их согласованием между авторами, экспертами и представителями немецких групп интересов. Одновременно в ходе подготовки надо было учитывать реакцию китайской стороны. В итоге в середине июня 2023 г. коалиция сначала опубликовала стратегический документ по комплексной безопасности и через месяц представила первую в полувековой истории официальных отношений с Пекином Стратегию федерального правительства по Китаю [China-Strategie, 2023], в целом позитивно принятой немецким политическим и экспертным сообществом¹. Одно из приоритетных мест в ней заняли хозяйственно-политические вопросы взаимодействия с Поднебесной, которой принадлежит ведущее место во внешнеторговой сфере Германии и одно из основных в её инвестиционной. Именно этим аспектам в данной статье уделяется основное внимание².

Внешнеторговая и инвестиционная кооперация ФРГ и Китая

Китайская Народная Республика – основной партнёр Германии в сфере внешней торговли товарами. В 2022 г. она с существенным отрывом от других стран занимала

¹ Более подробно об анализе обеих стратегий см.: [Белов, 2023а; Белов, 2023b]. В Стратегии национальной безопасности Германии подробно освещены вопросы защиты критически важных отраслей и сфер от иностранного влияния. В первую очередь, это относится к рискам, связанным с Китаем.

² Вопросы экономического сотрудничества ФРГ и Китая (в т.ч. с учётом европейского вектора) в предыдущие годы проанализированы в ряде работ отечественных учёных [см., например: Зарицкий, 2021; Мельникова, 2022; Супян, 2015; Цвык, 2019 и др.]

первое место по торговому обороту с показателем в 298,9 млрд евро (9,6% от совокупного)¹. Отставание США составило более 50 млрд евро, но при этом они оставались основной страной назначения экспорта немецкой продукции. Лидерство Китая по общему объёму товаропотоков обеспечил ввоз из неё товаров, достигший в том же году рекордных 192 млрд евро (12,8% всего импорта), что более чем на 70 млрд было больше поставок из Нидерландов и на 100 млрд из Соединённых Штатов. Этим двум государствам, а также Франции КНР уступала как рынок сбыта немецких товаров, занимая с 106,9 млрд евро только четвёртое место (6,7% всего экспорта ФРГ)².

Основные статьи немецкого товарного экспорта в Китай формируют автомобили и автозапчасти, машиностроительные изделия, электротехническая, электронная, оптическая и фармацевтическая продукция. В импорте из КНР преобладает продукция электротехники, электроники, машиностроения и органической химии³. По отдельным товарам Поднебесная уверенно опережает все другие страны. Например, в 1 квартале 2023 г. в стоимостном выражении на ввоз китайских портативных компьютеров пришлось 86,0% этой позиции, смартфонов и телефонов – 67,8%, литий-ионных аккумуляторов – 39,2% и электромобилей – 28,2%⁴.

В 2023 г. двусторонние внешнеторговые потоки товаров в течение января – сентября последовательно сокращались. При этом объёмы импортных поставок по сравнению с 2022 г. снижались более быстрыми темпами по сравнению с экспортными, что за первые девять месяцев текущего года обусловило уменьшение традиционного высокого отрицательного сальдо ФРГ во взаимной торговле.

С 2010 по 2021 гг. Китай был одним из основных объектов немецких прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Объём накопленных ПИИ ФРГ в КНР увеличился за этот период в 3,5 раза, в Люксембург – в 2,7, в США – в 1,8, во Францию – в 1,4 раза, в Британию почти не изменился. В 2021 г. Поднебесная с 112,3 млрд евро заняла второе место по этому показателю, обогнав Люксембург (108,6 млрд), и уступая Соединённым Штатам (409 млрд), которые остаются самым привлекательным инвестиционным пространством для немецких компаний (Табл. 2). Доля Китая в

¹ КНР – внешнеторговый партнёр Германии номер один с 2016 г.

² Рассчитано на основе данных Федерального ведомства по статистике (www.destatis.de).

³ 78% стоимости немецкого экспорта в КНР в 2022 г. формировали следующие пять товарных позиций: «транспортные средства, кроме железнодорожных и трамвайных» – 27,1%; «оборудование, ядерные реакторы, котлы» – 19,6%; «электрическое и электронное оборудование» – 17,7%; «оптическая, фото, техническая, медицинская аппаратура» – 8,9%; «фармацевтическая продукция» – 4,6%. Соответственно, 66,4% импорта из Китая приходилось на «электрическое и электронное оборудование» (31,0%); «оборудование, ядерные реакторы, котлы» (19,0%); «органическая химия» (10,1%); «мебель, световые вывески, быстровозводимые здания» (3,3%); «транспортные средства, кроме железнодорожных и трамвайных» (3,0%). Рассчитано по данным статистической базы ООН *Comtrade*, размещённых на интернет-портале *tradingeconomics.com*.

⁴ Außenhandel mit China im 1. Quartal 2023 um 10,5 % gegenüber dem Vorjahresquartal gesunken. Statistisches Bundesamt. 12.05.2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/05/PD23_182_51.html (дата обращения: 30.10.2023).

общем объёме прямых зарубежных капиталовложений ФРГ в 2021 г. составила 7,9% (3,8% в 2010 г.). Среди стран-инвесторов в немецкую экономику КНР – явный аутсайдер, инвестировавший в ФРГ по состоянию на начало 2022 г. всего 7,2 млрд евро (1,2% от всех ПИИ, 0,13% в 2010 г.). Это было существенно меньше по сравнению с лидерами – Люксембургом (в 17,6 раз), Нидерландами (15 раз), США (9,2 раза), Швейцарией – (6,6 раза), Британией (5,6 раза)^{1 2}.

Объем немецких ПИИ в Поднебесной (112,3 млрд евро) – в 15,7 раза выше аналогичных китайских в Германии (7,2 млрд), по обороту предприятий – в 29,8 раза (411,2 млрд против 13,8 млрд), их количеству – в 8,5 раза (2888 / 339 единиц), а по численности занятых на них – гораздо больше: почти в 20 раз (797 тыс. / 40 тыс. человек). Важно, что прирост китайских капиталовложений в ФРГ с 2010 г. по 2021 г. был более динамичным по сравнению с немецкими в КНР – в 4,3 раза против 3,5.

Около двух третей немецких ПИИ (69,5 млрд евро) вложено в обрабатывающую промышленность Поднебесной. В свою очередь 66,9% из них – это три отрасли: автомобилестроение (28,3 млрд), химия (10,2 млрд) и машиностроение (8 млрд евро). 17,2% всех капиталовложений (19,3 млрд) направлены в торговлю/сбыт и техническое обслуживание автомобилей.

Согласно оценкам группы немецких экспертов, в период с 2017 по 2021 гг. годовая прибыль немецких прямых инвесторов в Китае составила от 11 до 15 млрд евро, из которых от 2 до 7 млрд евро были реинвестированы, а от 7 до 11 млрд переведены материнским компаниям в ФРГ, у многих из которых есть иностранные акционеры. Указанная величина прибыли сравнима с той, которую немецкие фирмы получили в США, но значительно меньше аналогичной совокупной величины в ЕС и Британии. Проведённые экспертами опросы среди крупнейших инвесторов Германии выявили тенденцию к росту уровня локализации в Китае, соответственно, к снижению экспорта комплектующих из ФРГ [Gewinne deutscher Investoren in China..., 2023].

¹ Здесь и далее в немецких данных и расчётах автора по прямым инвестициям ФРГ в Китай и из КНР в Германию учтён Гонконг (статистика Бундесбанка (<https://www.bundesbank.de>)).

² Относительно подробную статистику по ПИИ Китая предоставляет исследовательская группа из США *Rhodium Group*, с которой сотрудничает ведущий в Германии китаеведческий Институт *Mercator*. Их данные существенно отличаются от официальных немецких. Например, величина накопленных китайских ПИИ в экономике ФРГ (без Гонконга) за период 2000–2022 гг. оценивалась экспертами этих структур в 32 млрд евро. По этому показателю Германия уступала только Британии (81 млрд), опережая Францию (17 млрд) и Италию (16 млрд) [EV Battery Investments, 2023]. Немецкая консалтинговая компания *Statista* летом 2023 г. на основе своих данных (учитывались только инвестиции свыше 100 млн долл.) опубликовала собственные оценки текущих и накопленных ПИИ Китая в Германии (также без Гонконга). За период с 2007 по 2022 гг. накопленная величина составила примерно 49,5 млрд евро (Muschter R. Kapitalfluss und Kapitalbestand von chinesischen Direktinvestitionen in Deutschland von 2007 bis 2023. Statista. 26.07.2023. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1301465/umfrage/kapitalfluss-und-kapitalbestand-von-chinesischen-direktinvestitionen-in-deutschland/>). Разница с данными германского Федерального банка и *Rhodium Group* – существенная.

Официальная статистика Германии по ПИИ, где основное место занимает база данных Бундесбанка, не отражает всей взаимной инвестиционной активности немецких и китайских инвесторов. По данным торгово-промышленных палат и других групп интересов, количество немецких фирм в КНР и китайских в ФРГ существенно выше. Разница в основном объясняется пороговыми величинами учёта как объёма ПИИ, так и доли участия в капитале компаний¹.

К важнейшим проектам немецких компаний в КНР последних лет в первую очередь относятся инвестиции в производство электромобилей. Китайский рынок считается самым перспективным в мире не только по производству и потреблению электрокаров, но и по их технологическому и инновационному уровню. Ф. Дуденхёффер, директор германского Центра автомобильных исследований (*Center Automotive Research*), убеждён, что Поднебесная в выпуске электромобилей с уникальным программным обеспечением уже стала мировым лидером, который «бесконечно далеко впереди», а немецкие автопроизводители и поставщики «больше не учителя, а студенты Китая»². В китайском автомобильном центре Чанчунь немецкая *Audi* и китайский *FAW* строят завод по производству передовых электрокаров. Инвестиции в проект составляют около 4,53 млрд евро. Эта площадка будет для немецкого партнёра самой продвинутой среди всех его предприятий в мире. К концу 2023 г. начнётся предсерийное производство. В конце 2024 г. будет выпускаться три электрические модели, а годовая мощность составит 150 тыс. автомобилей в год. *BMW* строит фабрику по производству аккумуляторов в городе Шэньян на северо-востоке Китая. Производитель автозапчастей *Hella* объявил в июле 2022 г., что открывает новый завод по производству осветительных приборов в Чанчжоу. В июле 2023 г. *Volkswagen* приобрел 4,99% акций китайского производителя электромобилей *Xpeng* за 700 млн долл. В октябре 2023 г. *Mercedes-Benz Group* (до февраля 2022 г. – *Daimler AG*)³ подписала меморандум о сотрудничестве с *Jinqiao Group* в области автономного вождения и интеллектуального транспорта⁴.

Электромобильная сфера Германии также является одной из самых привлекательных для китайских компаний, особенно в производстве аккумуляторов. Лидерами по строительству крупнейших заводов по их выпуску в ФРГ и миллиардным капиталовложениям являются *CATL* и *Svolt* [*EV Battery Investments*, 2023].

¹ См.: Грачева М.В. Прямые инвестиции развитых стран в ФРГ: анализ статистики германского Федерального банка // Финансы и кредит. № 9, 2014. С. 34–44.

² Prof. Dr. Ferdinand Dudenhöffer: WIN-WIN für Zukunft der deutsch-chinesischen Zusammenarbeit. German people online. 27.10.2023. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2023/1027/c209053-20090090.html> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Одними из основных акционеров немецкого концерна в 2022 г. являлись два инвестора из Китая – *BAIC Automotive Group* и частный инвестор, основатель *Geely Holding Group* Ли Шуфу (*Li Shufu*, через *Tenacious Prospect Investment Ltd.*), каждому из которых принадлежало чуть менее 10% его капитала (*China Now Owns 20% of Daimler AG*. 16.12.2021. URL: <https://carspiritpk.com/china-owns-20-of-daimler-ag/> (дата обращения: 30.10.2023)). Весной 2023 г. Ли Шуфу продал свою долю.

⁴ *Deutsche Automobilunternehmen stärken ihre Investitionen in Chinas NEV-Markt*. German people online. 02.11.2023. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2023/1102/c209053-20092155.html> (дата обращения: 30.10.2023).

Как в автомобилестроении, так и в других китайских отраслях основными немецкими инвесторами в последние годы стали компании, входящие в биржевой список DAX. В условиях снижения инвестиционной активности фирм из других стран ТНК Германии стали одними из главных субъектов ПИИ в экономику КНР. После минимальных (с 2009 г.) вложений в пандемийном 2020 г. (2,5 млрд евро) экспорт германских прямых капиталов в 2021 г. составил 11,0 млрд евро, 9,5 млрд в 2022 г. и 12,0 млрд в период с января по сентябрь 2023 г.¹ Благодаря крупным игрокам, ФРГ вместе с Великобританией и Францией в последние годы уверенно входит в первую тройку прямых инвесторов в народное хозяйство Китая – в 2021 г. на Германию пришлось 15% годового притока ПИИ, в 2022 г. – 24% [EV Battery Investments, 2023]. Немецкие концерны инвестируют не только в производство своей продукции в Поднебесной, но и в торгово-сбытовую сеть, которая служит одним из важных каналов продвижения их экспортных товаров. Например, несмотря на рост конкуренции со стороны местных компаний, китайский рынок сбыта остаётся крупнейшим в мире для ведущих автомобильных производителей Германии – *Mercedes-Benz*, *BMW*, *Volkswagen*².

Отдельные немецкие эксперты указывают на необходимость диверсификации не только германского товарного экспорта в Китай, но и немецких прямых капиталовложений, однако не дают рецептов как повлиять на стратегию частных хозяйствующих субъектов³.

Взаимная зависимость экономик

Прежнее руководство немецкого государства осторожно относилось к рискам размежевания и разрыва экономических связей с Китаем. Оно старалось избегать сценария, когда под давлением трансатлантической солидарности (в лице официального Вашингтона) оказалось бы связанным «жесткой блоковой дисциплиной» с неминуемой «расстыковкой» в отношениях с КНР, которая нанесла бы «тяжелый удар по германской экономике» [Зарицкий, 2021]. Аналогичную позицию занял и нынешний кабинет министров, вынужденный учитывать, что в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости за последние десятилетия произошло тесное переплетение ведущих промышленных отраслей Германии с китайскими. Одновременно он принял решение о необходимости снижать экономическую зависимость от КНР и минимизировать связанные с ней народнохозяйственные риски. Делать это официальный Берлин пытается так, чтобы не создавать у Пекина впечатление, что он отказывается от стратегического курса на взаимодействие. Эту задачу в основном решает федеральный канцлер и его Ведомство. Именно они демонстрируют, что Германия не стремится отделяться и отдаляться от Китая, вынужденно сглаживая зачастую не согласованные с ними дипломатические высказывания А. Бербок в адрес китайского руководства.

¹ Китайские ПИИ в ФРГ в этот период составили: 1,6 млрд евро в 2020 г, 2,5 млрд – в 2021 г., 7,8 млрд в 2022 г. и минус 3,8 млрд за первые три квартала 2023 г.

² На эти три концерна, а также *BASF* в период с 2018 по 2021 гг. пришлось 34% стоимостного объёма всех европейских ПИИ в Китай [Schmucker, Wolff, 2022].

³ См., например: Matthes J. (2023) Deutsche Direktinvestitionen in China. Kaum Diversifizierung, IW-Kurzbericht, Nr. 35, Köln. 3 S.

Обе экономики в значительной мере зависят друг от друга в сфере поставок товаров, в первую очередь промежуточных – изделий, узлов, компонентов и т. д. Согласно расчётам научных сотрудников Кёльнского Института германской экономики, доля экспортно-импортных операций в данной товарной группе особенно высока в отраслях по выпуску оборудования для обработки данных, электронной и оптической продукции; электрооборудования; текстиля, одежды и изделий из кожи; производству автомобилей и запчастей к ним; прочего транспортного оборудования; мебели; стекла и керамики; в машиностроении. Средний показатель по немецкой промышленности по доле отраслевого импорта из КНР в общем ввозе товаров этой группы составлял в 2020 г. 6,6%, в общем внутреннем потреблении этих изделий – 2,2%. Средняя доля немецкого отраслевого экспорта промежуточных изделий в КНР в общем объёме вывоза этих товаров в том же году составила более высокую величину – 16,1%, в общем отраслевом экспорте и поставках внутри ФРГ – 7,2% (Табл. 1)¹.

Таблица 1

Переплетение внешнеторговых потоков промежуточных товаров между ФРГ и Китаем в отдельных отраслях немецкой промышленности в 2020 г., %*

Отрасли	Импорт из Китая		Экспорт в Китай	
	1	2	3	4
Оборудование для обработки данных, электронная и оптическая продукция	19,4	6,6	34,4	23,0
Электрооборудование	16,1	5,3	21,7	11,1
Текстиль, одежда, изделия из кожи	13,8	4,6	6,0	2,5
Ремонт и монтаж машин и оборудования	12,4	3,1	4,7	0,5
Мебель и прочие товары	12,2	3,8	16,2	9,1
Машиностроение	10,7	2,8	20,9	10,0
Древесина, пробка и плетёные товары	8,9	1,5	9,0	2,7
Прочее транспортное оборудование	7,4	2,1	20,9	7,3
Стекло, керамика и прочие подобные товары	7,0	1,3	12,4	3,2
Среднеотраслевой показатель	6,6	2,2	16,1	7,2
Автомобили и автозапчасти	6,0	1,6	21,8	8,3
Производство металлоизделий	5,6	1,5	12,9	3,4
Изделия из резины и искусственных материалов	5,5	2,5	10,9	4,5
Печатная продукция	4,5	1,2	6,0	0,5
Химическая продукция	4,1	2,0	13,0	9,8
Производство и обработка металлов	3,2	1,4	12,1	5,6
Бумага и картон	3,0	1,1	4,4	2,0
Продукты питания, напитки, табак	2,7	0,6	9,0	2,8
Фармацевтическая продукция	2,6	1,1	11,4	8,5
Коксование и нефтепереработка	1,8	1,3	6,8	2,7

*Примечания: 1 – доля импорта промежуточных товаров из КНР отрасли в её общем импорте этих изделий; 2 – доля ввезённых из КНР промежуточных товаров отрасли в её общем внутреннем потреблении этих изделий; 3 – доля немецкого экспорта промежуточных изделий отрасли в КНР в её общем вывозе этих изделий; 4 – доля вывоза промежуточных изделий отрасли в КНР в её общем отраслевом экспорте и поставках внутри ФРГ.

Составлено автором по: [Busch, Matthes, Sultan, 2023]

¹ Дополнительные материалы к статье таблицы 2, 3, 4 размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

Взаимозависимость германской и китайской экономик носит ассиметричный характер – Германия в большей степени зависит от рынков сбыта в Китае, нежели он от немецких. Доли КНР в совокупном германском товарном экспорте и импорте (6,7 и 12,8%) существенно выше аналогичных немецких показателей для Поднебесной, равных 3,2 и 4,1%¹. Для Пекина роль ФРГ с точки зрения внешнего спроса на продукцию китайских отраслей и внутреннего спроса на немецкие товары менее значительна. Основным для него является хозяйственное пространство ЕС, объединяющее 27 государств, и с которым в среднесрочной перспективе, с его точки зрения, будет развиваться сбалансированное экономическое взаимодействие. В Германии поставки товаров в Китай обеспечивают работой примерно 1,1 млн человек (в ЕС – 3,5 млн). В КНР благодаря поставкам её продукции в ФРГ занято 4,1 млн работников (в ЕС – 15,7 млн) [Jürgen, 2022].

Берлин особое внимание уделяет импортным товарам группы «критически зависимых от Китая». Он их определяет по трём критериям: актуальность / востребованность для соответствующего производства внутри страны; высокая степень ориентации поставщиков на КНР, соответственно низкая степень их диверсификации по другим странам; наличие / отсутствие возможности замещения отечественными аналогами. Доля таких товаров особенно высока в немецкой химической промышленности – она составляет около 27% всех «критических поставок» в Германию. На электротехническую отрасль приходится примерно 21%, производство транспортного оборудования – 14%, изделий из металла, пластика и электроники – около 8, 7 и 6% соответственно. Среди них выделяются магниты, проекторы, а также аминокислоты и гетероциклические соединения, без которых невозможно производство активных фармацевтических ингредиентов. В целом на промышленные критически важные товары с высокой степенью зависимости от них экономики Германии приходится около 5% всего немецкого импорта. Но даже незначительный дефицит одного из них может оказать негативное влияние на всю цепочку поставок [Baur, Flach, 2022; Sandkamp, 2022; Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft? 2023].

В особой степени это относится к ряду сырьевых продуктов из Китая, зависимость от которых существенно выше по сравнению с промышленными. Например, содержащиеся в постоянных магнитах металлы, включая диспрозий, неодим и празеодим, незаменимы при производстве ветряных генераторов и двигателей для электромобилей. Эти три металла входят в самую высокую группу риска – их закупки возможны только в Поднебесной. Другим примером является лидерство КНР по поставкам сырья и компонентов для производства фотоэлектрических элементов, а также самих солнечных батарей и модулей. Министр Р. Хабек в начале 2023 г. заявил о необходимости восстановления в Германии мощностей по их производству, а также диверсификации поставщиков сырья из других стран. Но, в отличие от промышленных товаров, сделать это в отношении редкоземельных и других дефицитных сырьевых групп достаточно сложно [Germany as a business location, 2023]. Поэтому важная роль отводится вопросам циркулярной экономики и переработке отходов. Берлин поставил задачу содействовать завершению текущих пере-

¹ Annual International Trade Statistics by Country (www.trendeconomy.com)

говоров и ратификации уже подготовленных соглашений ЕС о свободной торговле с рядом государств и их группировками, в т. ч. с МЕРКОСУР, Австралией, Мексикой, Чили, Кенией, Новой Зеландией, Индией, Индонезией и Таиландом, а также возобновить переговоры с Малайзией и Филиппинами [China-Strategie, 2023].

Согласно опросу Мюнхенского *ifo*-Института, проведённого в конце 2021 г. – начале 2022 г. среди 4 тыс. респондентов в обрабатывающей промышленности, импортировали промежуточную продукцию из Китая 46% из них, в т. ч. 11% – со своих предприятий в КНР. У крупных компаний эти показатели составляли 54 и 16%, у средних фирм 38 и 5%, малых – 28 и 2%, соответственно. Результаты опроса отразили субъективную точку зрения руководства компаний, которая отличается от объективных статистических данных. Итоги показали, что особенно высокая зависимость от китайских поставщиков была, по мнению респондентов, у следующих отраслей: автомобильной (75,8%), приборов обработки данных (71,6%), электротехники (70,6%), готовой одежды (64,8%), мебели (64%), текстиля (55,3%), машиностроения (55,2%), фармацевтики (51,8%), химии (41,4%). При этом 45% опрошенных фирм планировали сократить её, 52% сохранить и только 4% увеличить. В снижении преимущественно были заинтересованы химические компании (64%), производители изделий из резины и искусственных материалов (54%), а также машиностроители (47,9%). Среди основных причин предприниматели указали на необходимость диверсификации / снижения рисков зависимости (79,1%), выросшие цены на фрахт (66,3%) и рост проблем с транспортной доставкой (53,7%), политические риски (40,9%), рост производственных издержек (31,5%) и проблемы с качеством (8,9%) [Baur, Flach, 2022].

Альтернативу Китаю немецкие компании видят в первую очередь в европейских странах. Речь также идёт о решоринге и френдшоринге, которые, не исключено, станут вытеснять прежний приоритетный аутсорсинг в Китай. Предприниматели подчёркивают важную роль сферы транспорта и в этом контексте инициативы Евросоюза «Глобальные врата» (*Global Gateway*), в т. ч. направленной на создание своей сухопутной и морской инфраструктурной сети в мире, способной конкурировать с китайским проектом «Пояс и путь» (*Belt and Road Initiative*), особенно в сфере контейнерных перевозок¹. Среди прочего, эксперты считают целесообразным создавать крупные европейские консорциумы судоходных компаний, конкурентоспособных по отношению к уже действующим мировым альянсам. Они также составили список стран, поставки из которых могут содействовать диверсификации импорта из Китая [Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft, 2023].

Мюнхенский *ifo*-Институт по заказу Баварской промышленной ассоциации в 2022 г. провёл исследование о возможных потерях ФРГ в случае экономического конфликта / двусторонних ограничений Евросоюза с Китаем. Оказалось, что в этом случае реальный ВВП ФРГ снизится на 0,81%, т. е. на величину почти в шесть раз превышающую народнохозяйственный ущерб Германии от выхода Великобрита-

¹ Не участвуя в *BRI*, Германия активно взаимодействует с Китаем в его транспортно-логистической поддержке, прежде всего в железнодорожных и морских перевозках. Анализ состояния и перспектив кооперации ФРГ и КНР в рамках этой китайской стратегической инициативы будет рассмотрен автором в отдельной статье.

нии из ЕС, составившей 0,14%. Больше всех пострадают немецкое автомобилестроение (-8,306 млрд долл. добавленной стоимости), машиностроение (-5,201 млрд), производители транспортного оборудования (-1,529 млрд) [Geopolitische Herausforderungen..., 2022]. Результаты других немецких исследований также свидетельствуют о существенных потерях немецкой экономики в случае взаимной «расстыковки» ЕС и КНР [Sandkamp, 2022].

Усиление государственного контроля за прямыми инвестициями в ФРГ

Предыдущий кабинет министров под руководством А. Меркель (2018–2021 гг.) последовательно ужесточал правила проверки иностранных инвестиций, в первую очередь за счёт расширения списка подлежащих контролю секторов и изменения пороговых значений объёма капиталовложений. В середине 2021 г. была принята 17-я поправка к Положению о внешнеэкономическом регулировании (AWV), распространившая процедуру контроля на многие гражданские сферы¹.

Новое Федеральное министерство экономики и защиты климата (BMWK) под руководством Р. Хабека в 2022 г. провело экспертизу 306 иностранных инвестиционных проектов, из них 37 китайских. Такое же количество / соотношение было в 2021 г. – 306/37 (78/27 в 2018 г., 106/22 в 2019 и 160/27 в 2020 гг.). Наибольший интерес зарубежные компании проявили к сфере информационно-коммуникационных технологий, за которыми с большим отрывом следовали здравоохранение и биотехнология, машиностроение, энергетика, транспорт и логистика, производство автокомпонентов, авиакосмическая отрасль, СМИ, металлургия и продукты питания. Основная часть ежегодных проверок в 2019–2022 гг. приходилась на инвесторов из США – от 30 до 40%. Доля введённых ограничений в общем количестве контролируемых проектов постоянно снижалась – с 12% в 2018 г. до 2% в 2022 г.²

По состоянию на начало осени 2023 г. BMWK проверяло 40 заявок инвесторов из других стран, в т. ч. 12 из Китая, 10 из США и пять из ОАЭ. Четыре китайских компании проявили интерес к фирмам машиностроения, две – к сфере ИКТ, столько же – к авиакосмической отрасли, остальные – к секторам здравоохранения, металлургии, СМИ и энергетики. По девяти случаям после предварительного расследования организовано т. н. «углубленное», которое проводится при подозрении на

¹ Межотраслевому инвестиционному скринингу со стороны BMWK подлежат все проекты в отраслях, перечисленные в разделах 55-59 AWV, и направленные на приобретение пакетов акций / долей в капитале, дающих право на частичный или полный контроль над компанией. Речь идёт об иностранных инвесторах, штаб-квартиры материнских компаний которых зарегистрированы за пределами Евросоюза. См.: Schätzler R. BMWK veröffentlicht Zahlen und Fakten zur Investitionsprüfung in Deutschland. Fieldfisher. 24.01.2023. URL: <https://www.fieldfisher.com/de-de/insights/bmwk-veroeffentlicht-zahlen-und-fakten-zur-investit> (дата обращения: 30.10.2023).

² Investitionsprüfung in Deutschland: Zahlen und Fakten. BMWK. 09.01.2023. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/investitionspruefung-in-deutschland-zahlen-und-fakten.pdf?__blob=publicationFile&v=18 (дата обращения: 30.10.2023).

наличие возможных рисков и угроз для экономической безопасности. По его итогам министерство имеет право наложить вето на инвестиционную сделку и решением правительства она может быть отменена¹.

Не все попытки министра Р. Хабека и его команды запретить китайские прямые инвестиции в критически важные сферы оказались успешны. В 2021 г. китайская государственная судоходная компания *Cosco* заявила о готовности приобрести 35% капитала компании *Containerterminal Tollerort (CTT)* – одной из важнейшей структур логистического терминала Гамбургского порта, но *BMWK* осенью 2022 г. отклонило заявку. С таким решением не согласился федеральный канцлер и его Ведомство. В итоге был найден компромисс: инвестор из Китая, несмотря на отнесение этого объекта к критически важному, в мае 2023 г. получил право на покупку 24,99% капитала *CTT*. Тем самым, О. Шольц укрепил свои позиции в Пекине как конструктивного партнёра и переговорщика (их основы были заложены в период его работы бургомистром Гамбурга и затем министром финансов в последнем правительстве А. Меркель).

Визит главы Кабинета министров в Пекин в начале ноября 2022 г. стал важным этапом в согласовании спорных позиций в сфере экономической кооперации, которые затем были учтены при подготовке китайской Стратегии и проведении седьмых межправительственных консультаций в Берлине в июне 2023 г. Руководство Китая уделило им особое внимание, понимая, что на фоне происходящих изменений в мире Вашингтон заинтересован не столько в формально заявляемом им «снижении рисков» в европейско-германо-китайских отношениях, сколько в их реальной «расстыковке», которая должна ослабить и геополитического конкурента – КНР, и основного геополитического партнёра – Евросоюз. Такие оценки китайского руководства были вполне обоснованы. Минимум, на что рассчитывала (и по-прежнему рассчитывает) американская администрация – это побуждение руководства Евросоюза и ФРГ к введению более жестких мер против Китая (торговых тарифов, инвестиционных ограничений и усиления экспортного контроля).

Состоявшиеся в очном формате после пандемийного перерыва июньские переговоры на уровне глав правительств, во многом благодаря О. Шольцу, прошли в контексте сближения хозяйственно-политических позиций двух государств, а не расхождения². Тем не менее глава Кабинета министров был подвергнут критике основных немецких СМИ и ряда групп интересов. И для этого есть основания. В Китае по-прежнему сохраняются давно критикуемые немецкими политиками и упоминаемые в Стратегии барьеры для германского бизнеса, в т. ч. нарушения прав интеллектуальной

¹ В середине сентября 2023 г. кабинет министров показательно утвердил решение *BMWK* о запрете поглощения немецкой спутниковой компании *Kleo Connect GmbH* её китайским мажоритарным акционером *Shanghai Spacecom Satellite Technology (SSST)*. Дополнительно к 53% капитала она подала заявку на приобретение у другой немецкой фирмы *EightyLeo* ещё 45%, но разрешения не получила. В том же месяце на обсуждении в бундестаге Стратегии Германии по отношению к Китаю А. Бербок привела этот пример в качестве «лучшей практики» эффективного контроля за инвестициями КНР.

² Помимо консультаций в период с 18 по 23 июня состоялась встреча премьера Госсовета Ли Цяня с президентом ФРГ В.-Ф. Штайнмайером, проведены Форум экономического и технического сотрудничества и круглый стол для предпринимателей.

собственности, патентное пиратство и промышленный шпионаж. Берлин также вынужден учитывать риски для технологического суверенитета Германии, связанные с реализуемой Китаем с 2015 г. стратегией *Made in China 2025*, среди прочего направленной на сокращение зависимости от внешних поставок [Супян, 2015, *China-Strategie*, 2023]. Министр финансов ФРГ К. Линднер во время очередного Германо-Китайского финансового диалога, очное заседание которого прошло во Франкфурте-на-Майне в начале октября 2023 г., в очередной раз потребовал от китайской стороны снять ограничения для инвестиций немецких кредитно-финансовых институтов в экономику КНР. И в очередной раз такая просьба осталась без ответа.

Что касается упомянутого поражения Р. Хабека в отношении порта Гамбурга, то он решил взять реванш, инициировав ускорение разработки в конце лета 2023 г. законопроекта о защите отечественной инвестиционной сферы (*Investitionsschutzgesetz*). Он призван значительно расширить инструментарий по регулированию прямых капиталовложений фирм, материнские компании которых зарегистрированы за пределами ЕС, а также расширить их отраслевой список. Соответственно, по рекомендации министерства Хабека правительство сможет в большем количестве случаев запрещать сделки с иностранными инвесторами в случае «наличия угрозы общественному порядку или безопасности», особенно в сферах искусственного интеллекта, инфраструктуры, производства и использования чипов.

* * *

При подготовке китайской Стратегии Кабинет министров Германии учёл мнение экспертного сообщества относительно дилеммы «расстыковка – минимизация рисков», подтвердив готовность к сохранению и развитию «вынужденного» штандортного взаимодействия двух стран. Одновременно руководство минэкономики заняло особую позицию, заявив, что при таком курсе следует более внимательно следить за бизнесом отдельных немецких хозяйствующих субъектов, оказавшихся в высокой односторонней зависимости от Поднебесной. Они должны сокращать её и уделять больше внимания своей комплексной экономической безопасности для того, чтобы не подвергать опасности других отечественных игроков, вовлечённых в кооперационные связи с ними. *BMWK* готово уменьшать государственную поддержку таких компаний, указывая, что в будущем они будут должны брать на себя всё большую часть рисков, в первую очередь финансовых. Так же считает глава германского внешнеполитического ведомства. Бербок полагает, что собственники бизнеса должны нести полную ответственность за рискованные деловые решения в отношении китайских партнёров.

Очевидно, что именно министр экономики в последующие два года будет заинтересован в усилении личного контроля над китайским внешнеэкономическим вектором ФРГ. С одной стороны, Хабек гарантирует бизнесу, что федеральное правительство продолжит информировать компании о рисках взаимодействия с КНР и даже усилит обмен информацией в этой сфере с руководством наиболее активных из них на китайских рынках, в т. ч. на доверительном уровне. С другой, в целях уменьшения рисков потери отечественных технологических ноу-хау, министр будет после-

довательно усиливать госконтроль за выдачей гарантий на поставки немецких товаров и услуг. Подконтрольные министерству ведомства станут внимательнее изучать наличие в экспортных операциях отечественных чувствительных технологий. Расширится перечень товаров, подлежащих проверке при их экспорте с учётом повышенных требований к кибербезопасности. BMWK приложит все усилия для скорейшего принятия вышеуказанного Закона о защите инвестиций и станет строже относиться к проверке инвестиционных заявок фирм Китая.

Свой «посильный» вклад в «обеспечение справедливой конкуренции» с китайскими компаниями продолжит вносить А. Бербок. Например, летом 2023 г. в целях снижения внешнеторговых рисков она предложила вводить таможенные пошлины и ограничения против товаров и услуг из КНР. В принципе это совпадает с позицией руководства Еврокомиссии, особенно У. фон дер Ляйен¹.

Нынешний Кабинет министров ФРГ, как и последующие коалиционные правительства, будет придерживаться курса на сохранение стратегических экономических отношений с Китаем. В их основе лежит задача «расстыковки» взаимовыгодной кооперации между Сциллой и Харибдой рисков односторонней зависимости от партнёра, особенно в сфере критически важных товаров и технологий. Берлин (в первую очередь, в лице федерального канцлера и его Ведомства) продолжит учитывать неминуемое противодействие Пекина любым попыткам оказания на него давления, в первую очередь со стороны ЕС. Немецкие политики, включая представителей партии «Союз 90 / Зелёные», будут вынуждены принимать во внимание геополитическое значение нынешнего уровня сотрудничества, сформировавшихся на предпринимательском уровне глобальных производственных цепочек с Китаем и связанные с этим риски негативных последствий возможного расхождения хозяйственных пространств и минимизации кооперации их основных субъектов. Большинство из них осознаёт, что такое развитие событий чревато большими потерями в условиях многоуровневой экономической взаимозависимости.

Согласованная с позицией ЕС китайская Стратегия ФРГ, с одной стороны, учитывает существующую германо-китайскую асимметрию с точки зрения экономической значимости для каждого из штандортов, в рамках которой КНР в качестве хозяйственного партнёра играет для Федеративной Республики более важную роль, чем она для Китая. С другой – Германия наряду с прочими государствами Евросоюза является значимым поставщиком готовых и промежуточных товаров и рынком сбыта

¹ В середине июня 2023 г. ЕК объявила о мерах против использования технологий китайских компаний *Huawei* и *ZTE*. Речь шла о готовности Еврокомиссии внедрять набор инструментов кибербезопасности *5G Toolbox* в свои собственные закупки телекоммуникационных услуг, а также использовать его при распределении финансирования по всем европейским программам. Еврочиновники также призвали применять этот инструментарий в национальных телекоммуникационных сетях. В начале октября Брюссель начал расследование (во многом по инициативе Франции) государственного субсидирования производства китайских электромобилей, что сразу вызвало негативный отклик у Пекина, назвавшего такой шаг неправомерным и предупредившего об адекватной реакции в случае их введения. Немецкие автомобилестроители, принимая во внимание риски ответных мер, встали на сторону китайских партнёров.

для китайской продукции. Это позволит Берлину при поддержке Брюсселя и дальше занимать относительно самостоятельную позицию по отношению к КНР даже в том случае, если Пекин попытается оказывать экономическое давление на государства-члены ЕС с помощью мер торговой политики. При этом федеральному канцлеру и его Ведомству придётся сдерживать стремление зелёных сдвигать сложившийся баланс двусторонней кооперации в сторону конфронтации, включая поддержку анти-китайских инициатив У. фон дер Ляйен и её команды.

В последующие годы немецкое государство усилит внимание к критически важным китайским товарам, особенно сырью. Немецкий бизнес, особенно крупный и средний, продолжит внешнеторговую и инвестиционную кооперацию с китайскими партнёрами, постепенно оптимизируя отношения с ними: укрепляя их с наиболее надёжными и перестраивая с прочими, в т. ч. с помощью компаний из других стран. Рынок Китая останется для экспортно-ориентированных промышленных отраслей Германии одним из основных за пределами Европы. Одновременно будет увеличиваться доля локально ориентированных немецких производств в КНР, что создаёт предпосылки для превращения китайского штандорта в экспортный хаб Германии в Юго-Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2023а) О новой стратегии Германии по отношению к Китаю. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 3(35). С. 16–24. DOI: 10.15211/analytics31620231624

Белов В.Б. (2023b) Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 2(34). С. 44–53. DOI: 10.15211/analytics21320234453

Зарицкий Б. (2021) Германия-Китай: партнеры, конкуренты или системные соперники? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 16–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2021- 65-2-16-28

Мельникова Ю. (2022) Отношения ЕС и КНР и будущее многополярности. Что выберет Германия? Аналитические статьи РСМД. 30.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-es-i-kr-i-budushchee-mnogopolyarnosti-chto-vyberet-germaniya/> (дата обращения: 30.10.2023).

Супян Н. (2015) Германо-китайские экономические отношения: риски и перспективы. *Современная Германия. Экономика и политика*. Под общ. ред. В.Б. Белова. Издательство «Весь Мир», Москва. С. 370–391.

Цык А.В. (2019) Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: Актуальные проблемы и новые возможности. *Актуальные проблемы Европы*, № 4. С. 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

Baur A., Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? ifo Schnelldienst, 4, 75. Jahrgang 13. April 2022. P. 56–65.

Busch B., Matthes J., Sultan S. (2023) Zur Abhängigkeit einzelner Industriezweige von China. IW-Report, No. 5. 37 p.

China-Strategie der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. Berlin. 2023. 64 p.

EV Battery Investments Cushion Drop to Decade low Chinese FDI in Europe: 2022 Update (2023). Rhodium Group, MERICS. May. 27 p.

Geopolitische Herausforderungen und ihre Folgen für das deutsche Wirtschaftsmodell (2022) VBW Studie, erstellt vom ifo-Institut. August 2022. 39 p.

Germany as a business location: selected aspects of current dependencies and medium-term challenges (2023). Deutsche Bundesbank. Monthly Report, September 2023. P. 15–35.

Gewinne deutscher Investoren in China – eine erste empirische Bestandsaufnahme (2023). Bertelsmann Stiftung, IW Köln, MERICS, BDI. April. 84 p. DOI 10.11586/2023024

Jürgen M. (2022) Gegenseitige Abhängigkeit im Handel zwischen China, der EU und Deutschland, IW-Report, Nr. 35, Köln. 34 p.

Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft (2023). Verband der bayerischen Wirtschaft. Studie, Oktober.

Sandkamp A. (2022) Reshoring by Decree? The Effects of Decoupling Europe from Global Value Chains. *Intereconomics*. 57(6). P. 359–362. DOI: 10.1007/s10272-022-1087-9

Schmucker C., Wolff G. (2022) Risikomanagement in den europäisch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen. DGAP Policy Brief, 34.

German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges

V.B. Belov

Candidate of Sciences (Economics)

*Research Director of IE RAS, Chief of Department for countries researches and
of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract. In July 2023, Germany adopted a long-expected strategy towards China, its most important (along with the United States) non-European partner. One of the main places in the document is dedicated to the economic and political sphere – foreign trade and direct investment. The ruling coalition has set the task of reducing the dependence of the German economic space from the Chinese economy, which coincides with the strategic goal of the European Union. The U.S. administration is also interested in weakening cooperation between Germany and the EU with China. However, this approach of national, European and American politicians contradicts the market interests of German business, which remains focused on comprehensive interaction with companies in China. The author analyzes the current state of German-Chinese economic cooperation and assesses the prospects for its development in the context of current geopolitical challenges.

Key words: Germany, China, USA, European Union, EU, strategy, derisking, decoupling, foreign trade, direct investment

DOI: 10.31857/S0201708323070094

EDN: rzadwi

REFERENCES

Baur A., Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? *ifo Schnelldienst*, № 4, 75. Jahrgang 13. April 2022, pp. 56–65.

Belov V.B. (2023a) O novoy strategii Germanii po otnosheniyu k Kitayu [On Germany's new strategy towards China]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*, 3(35), pp. 16–24. DOI: 10.15211/analytics31620231624 (In Russian).

Belov V.B. (2023b) Pervaya v istorii Germanii kompleksnaya Strategiya natsional'noy bezopasnosti [The first comprehensive National Security Strategy in the history of Germany]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*, 2(34), pp. 44–53. DOI: 10.15211/analytics21320234453 (In Russian).

Busch B., Matthes J., Sultan S. (2023) Zur Abhängigkeit einzelner Industriezweige von China. IW-Report, Nr. 5.

China-Strategie der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. Berlin. 2023.

EV Battery Investments Cushion Drop to Decade low Chinese FDI in Europe: 2022 Update (2023). Rhodium Group, MERICS. May.

Geopolitische Herausforderungen und ihre Folgen für das deutsche Wirtschaftsmodell (2022) VBW Studie, erstellt vom ifo-Institut. August 2022.

Germany as a business location: selected aspects of current dependencies and medium-term challenges (2023). Deutsche Bundesbank. Monthly Report, September 2023. pp. 15–35.

Gewinne deutscher Investoren in China – eine erste empirische Bestandsaufnahme (2023). Bertelsmann Stiftung, IW Köln, MERICS, BDI. April. – 84 S. DOI 10.11586/2023024

Jürgen M. (2022) Gegenseitige Abhängigkeit im Handel zwischen China, der EU und Deutschland, IW-Report, Nr. 35, Köln.

Mel'nikova Yu. (2022) Otnosheniya YES i KNR i budushcheye mnogopolyarnosti. Chto vyberet Germaniya? [EU-China relations and the future of multipolarity. What will Germany choose?]. *Analiticheskiye stat'i RSMD*. 30.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-es-i-knr-i-budushchee-mnogopolyarnosti-chto-vyberet-germaniya/> (accessed: 30.10.2023). (In Russian).

Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft (2023). Verband der bayerischen Wirtschaft. Studie, Oktober.

Sandkamp A. (2022) Reshoring by Decree? The Effects of Decoupling Europe from Global Value Chains. *Intereconomics*. 57, 2022 · Number 6, pp. 359–362. DOI: 10.1007/s10272-022-1087-9

Schmucker C., Wolff G. (2022) Risikomanagement in den europäisch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen. DGAP Policy Brief, 34.

Supyan N. (2015) *Germano-kitayskiye ekonomicheskkiye otnosheniya: riski i perspektivy* [German-Chinese economic relations: risks and prospects]. *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika*. Ed. by V.B. Belov. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, pp. 370–391. (In Russian).

Tsyvk A.V. (2019) Strategicheskoye partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: Aktual'nyye problemy i novyye vozmozhnosti [Strategic partnership between Germany and China at the present stage: Current problems and new opportunities]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*, 4, pp. 210–228. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

Zaritskiy B. (2021) Germaniya-Kitay: partnery, konkurenty ili sistemnyye soperniki? [Germany-China: partners, competitors or systemic rivals?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 65(2), pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021- 65-2-16-28